

ШАВА 1

Рваные облака метались в мутном небе, как клочья пены в грязной воде. Солнце застыло белым пятном высоко над заливом, на берегу которого он сейчас стоял. Было холодно и сыро. Дождь без конца накрапывал и тут же прекращался, сбегая вместе с пухлой тучей под порывами ледяного ветра.

Он отчаянно мерз. И легкая ветровка его на плечах давно промокла. И носков он не надел, собираясь на берег всего на пять минут. Надо было развернуться и уйти в теплый дом. До него всего двадцать пять метров. Он считал шагами. Метровыми.

В доме Таня. Она уже приготовила завтрак — красивый, полезный. По всем правилам. После ее завтрака он часов до пяти вечера не хотел есть. Она красиво накрыла на стол, как всегда. Обязательно скатерть. Непременно дорогая посуда. И приборов в достатке. Все как с картинки. Все как в кино.

Они усаживались за стол напротив друг друга. Ели молча. Она прикрывалась газетой. Почему-то для нее было важно разживаться с утра информацией непременно с бумажных носителей. Он

читал новости в телефоне, положив его за тарелкой. Время от времени они отпускали какие-нибудь реплики по поводу неожиданностей. Потом снова погружались в чтение. И так до конца завтрака. Потом Таня некрасиво складывала газету, скорее, даже комкала ее. Коротко улыбалась ему. И принималась убирать со стола. Он шел в душ. Собирался. И, поцеловав ее в щеку у порога, уезжал в город. Он там работал. Таня, он точно знал, уезжала спустя полчаса. Она тоже работала в городе. В течение дня они не пересекались и почти не созванивались. Крайне редко. Если только ему или ей надо было сообщить, что к ужину не успевает. И что кому-то из них придется ужинать в одиночестве.

Он не знал, как она без него ужинала. Так же, за красиво накрытым столом, или с тарелкой в руках возле панорамного окна. Он делал себе бутерброды, наливал в маленький термос чай и шел на залив. Там у него имелась заветная скамейка. На нее он усаживался и жевал свои бутерброды, запивая их огненным чаем. Скамейка служила ему круглый год. И просиживать он на ней не мог, если только с небес лило как из ведра. Есть мокрый от дождя хлеб с колбасой было глупо. Все остальные погодные условия ему не мешали. Он сидел здесь и в мороз, и в снегопад.

В снег он особенно любил ужинать на скамейке. Мерз, но настойчиво сидел, уставившись на покрывшийся толстым льдом залив. Мерз и думал, думал, думал...

Когда она пропала — любовь всей его жизни, нежность его, печаль его, — была такая вот по-

года: мороз, метель, темнота. И он думал, что она просто заблудилась. Просто не нашла дорогу к его дому на заливе. Вышла из такси и перепутала направление. Свернула не туда и попала в соседний поселок. Или в другой: тот, что был левее. Или правее. Маленьких хуторов на заливе было очень много. Дворов на десять, а то и пять. Их было с дюжину разбросано по берегу.

Он все их объездил. Обошел все тропы. Рыл снег на берегу, пытаясь отыскать ее следы. Ничего! Ни единого намека, что его любимая Маша где-то там побывала. После того, как она вышла из такси на автобусной остановке, ее никто никогда больше не видел.

— Тимофей, тебе надо научиться жить без нее, — советовал ему Машин родной брат. — Так нельзя!

— Ты научился? — смотрел на него Тимофей запавшими от горя глазами.

— Я хотя бы стараюсь. А ты...

А он не хотел учиться, не хотел стараться. Он вообще без нее жить не хотел. И лез в пекло на заданиях, за что его однажды чуть не уволили из органов. Пытался уехать в одну из горячих точек, непустили.

— Если хочешь знать, Поляков, то такие дела с ней не прокатывают. — Полковник закатывал глаза куда-то к потолку. — Она сама тебя найдет, когда придет твой час. А так можешь лишь покалечиться и инвалидом остаться. Есть кому за тобой ухаживать?

Он его слушал и не слушал. Но стал ждать — своей преждевременной кончины. Особенно не

страховал себя в серьезные моменты. Но и на рожон не лез. Раз полковник говорит, значит, знает. Да и ухаживать за ним некому. Была Маша, да пропала...

Он скорее почувствовал, чем услышал, как дверь его дома открылась и закрылась. И Таня встала на террасе со скрещенными на груди руками. Она не будет его звать к завтраку. Она просто будет стоять немым изваянием, с бессловесным укором глядя ему в спину.

Интересно, в такие минуты, повторяющиеся все чаще, она угадывает его тоску? Понимает, о чем он думает? Никогда не спрашивает. Ни единого намека, что догадывается о его почти полном равнодушии к ней.

Он же не любит ее! И не любил никогда. Скрывать не стал, когда она принялась оказывать ему знаки внимания.

— Я никого больше не полюблю, Таня, — признался он ей в самый первый вечер, когда они ужинали в ресторане.

Пригласила она.

— Переживу, — усмехнулась она коротко, прикрывая лицо высоким бокалом с вином.

— Со мной будет сложно. Я... Я не могу забыть ее лицо, смех, походку. Я все еще люблю ее, словно она рядом.

— Ты считаешь меня уродиной? — перебила его Таня.

Она смотрела серьезно, без обиды или намека на слезы. Просто поставила бокал между своей тарелкой и салатником. Посмотрела на него, как на своего подчиненного, и задала этот вопрос.

Он внимательнее к ней присмотрелся, чтобы не врать с самого начала.

Черные волосы до плеч, очень темные. Возможно, она их подкрашивала, а возможно, такими они были у нее от рождения. Черные глаза. Непроницаемые, как два угля. Смуглая кожа и яркие губы. Тонкие запястья и изящные пальцы с красивыми ухоженными ногтями. Хорошая фигура. Все в ней было почти безупречно.

Но она не была его Машкой!

— Она — не ты, — выпалил он и тут же поспешил извиниться: — Прости.

— Ты считаешь меня уродиной? — повторила она вопрос, никак не отреагировав на его реплику.

— Нет, нет, что ты! — поспешил он исправиться. — Ты красивая, Таня. Даже очень.

— Этого достаточно, — прервала она его следующую фразу, которую он пытался начать с «но». — Я не уродина и свободна. Ты свободен. И ты мне нравишься. Этого достаточно.

— Для чего? — Он все еще пытался сопротивляться ее напору.

— Для того, чтобы как-то существовать рядом.

Как она четко все обозначила тогда! Существовать — не жить. Рядом — не вместе. Так все и было с самого начала. Так продолжилось. И ничего до сих пор не изменилось, хотя в его доме она живет уже два года.

Она готовит ему завтраки и ужины. Застилает постель. Стирает и гладит одежду. Уборкой в доме занимается соседка, которой сама же Таня и платит. Он подозревал, что и остальную работу

по дому делает Нина Николаевна, просто Таня в этом ему не признается.

А ему все равно...

Он услышал шорох ее шагов. Таня не выдержала долгого ожидания и шла к нему, чтобы позвать на завтрак. Чтобы рядом постоять. Чтобы посмотреть тем самым взглядом, от которого ему весь день потом будет неловко.

— Куртка совсем промокла. — Ее ладони легли ему на плечи со спины. — Идем в дом, Тима. Схватишь сезонную простуду. Тебе нельзя болеть. Без тебя никак.

Он осторожно шевельнул плечами, ладони с его плеч исчезли. Глубоко вздохнув и выдохнув, он повернулся к ней с легкой улыбкой.

— Идем. Наверное, все остыло. Извини, что задерживаю тебя.

— Все нормально. Я сама немного припозднилась с завтраком. Оладьи подгорели. Пришлось делать омлет. И каши сегодня не будет.

— Не страшно, — беспечно отозвался он. — Ты знаешь, как я не люблю кашу.

— Знаю, — с легким смешком подтвердила Таня, взяла его под руку и повела к дому. — Но это полезно. Приходится есть. Фу, Поляков, куртка совершенно мокрая.

У порога он снял кроссовки, повесил на плечики промокшую куртку и босым пошел к столу.

Скатерть, приборы, белоснежный фарфор, омлет под блестящим металлическим колпаком — все как в журнале. Он сел за стол напротив Тани. Она сняла металлический колпак с блюда, на тарелку ему тут же упали несколько

рыхлых ломтей омлета и два огуречных кружка. Зашуршала газета. Танина голова скрылась за ней. Со вздохом, ткнув пальцем в телефон, он перешел в раздел новостей. Минуту ничего, кроме звяканья их вилок о тарелки, не было слышно. Потом газета натянулась в ее руках, замерла, тут же скомкалась посередине, и на него глянули ее изумленные новостью глаза.

— Ты... Ты это читал?! — Таня указала подбородком на скомканную газету в ее руках.

— Что именно?

— В разделе происшествий!

Ее смуглое лицо сделалось желтоватым, так она бледнела.

— Я еще не дошел. Что там?

Он вообще-то дома никогда не читал подобных новостей. Хватало сводок происшествий на работе. Татьяна же, напротив, ими зачитывалась. И даже пыталась их обсуждать и предполагать ход следствия. Он в ее рассуждениях никогда участия не принимал, считая это чудачеством.

— Там... — Желтизна ее щек сделалась почти прозрачной. — Там про нее...

— Про кого? — нацепленный на вилку огуречный кружок чуть дрогнул.

— Кажется, про твою Машу. Кажется, они нашли ее.

Утренний холод, который он почти не замечал на берегу залива, кажется, только-только до него добрался. Стало так холодно, что зубы лязгнули.

— Кто нашел? Где нашел? — стараясь говорить нормальным, не дребезжащим голосом, спросил Тимофей. — Когда нашел? Почему счи-

таешь, что это Маша? Черт! Меня не было на работе два дня. Я ничего не знаю. Я сводок не читал!

— Нашли вчера рано утром. Недалеко от твоего дома. — Ее губы дрожали, голова опустилась. — Дождями подмыло берег. И тело...

— Дай сюда! — громко приказал он, хватая из ее рук скомканную газету.

Она все еще держала ее в руках крепко-крепко. А он дернул. И оторвал гигантский клоч, уничтожив статью. Треск рвущейся бумаги показался ему оглушительным.

— Да что же такое-то!

Он вскочил со стула, едва его не опрокинув. И метровыми шагами рванул в дальнюю комнату, куда Тане был вход запрещен. Это была его комната с Машей. Любимая их комната.

В ней почти не было мебели. Только старый плюшевый диванчик на два места, который они отодвинули от стены поближе к широким окнам в пол. Вид из них открывался потрясающий. Весь залив был как на ладони. А также сосны, нависшие над водой и чудом цепляющиеся корнями за песчаный берег. И еще противоположный берег справа виднелся. Чуть-чуть совсем. Тоненькой полоской, но угадывался. И ночами эта узкая полоска суши светилась крохотными точками далеких огней. И Маша называла их светлячками. И зазывала его вечерами поглазеть на светлячков.

Они усаживались на диванчик — скрипучий, жесткий, с пружинами, впивающимися в спины. Прижимались тесно друг к другу. Смотрели на мерцающие огни на линии горизонта. И молчали.

Им и не надо было говорить ни о чем. Их молчание было славным, сладким, обволакивающим. Сколько раз за минувшие три с половиной года он мечтал все это повторить? Сколько надеялся? Сосчитать невозможно. Он думал, мечтал, надеялся всегда. Каждый день без исключения.

Вот-вот, уже скоро, Машка вдруг объявится. Живой и невредимой. Встанет на пороге его дома с виновато опущенной головой и признается...

Да бог знает в чем она могла ему признаться! В неожиданной страсти, которой она поддалась. В бегстве от долгов, которые она от него скрывала. И даже в том, что по наивности попала в сексуальное рабство.

Плевать! Ему было плевать на причину, из-за которой она отсутствовала три с половиной года. Он готов был простить ей все-все-все. Лишь бы она вернулась. Лишь бы она была жива.

А что теперь?! Ни надежды, ни возвращения, ни прощения! Ничего этого не будет! И как...

И как ему теперь с этим жить?!

ШАВА 2

Он и Она...

Он и она — и никого больше. Ни рядом, ни отдаленно, ни в мыслях. Или, как это теперь принято говорить: по умолчанию. Все, чтобы чисто было между ними. Открыто. Искренне и любяще. Он всегда об этом мечтал. Всегда этого требовал от своих женщин. Те не всегда понимали, глупые.

Со временем принимались скучать и желать кого-то еще. Детей!

— Зачем они? — изумлялся он всякий раз подобным желанием. — Сопли, слюни, ор, бессонные ночи, болезни. Ты в своем уме, чтобы желать этого?

Не дожидаясь, как правило, ответа, он принимался рисовать картину ужасной жизни с детьми. Никакой свободы. Отдыха на островах. Постоянные траты, по большей части бесполезные.

— Ты готова сократить свое довольствие ради орущего эгоиста? — изумленно округлял он глаза. — Готова отказаться от платья, туфель, сумочки ради пластикового танка или автомата?

Некоторые, подумав, говорили, что нет, не готовы жить в ущерб себе и своим привычкам. Некоторые, подумав, были готовы к жертвам. С этими он расставался сразу. Первые, насладившись эгоизмом еще какое-то время, уходили сами. Он потом узнавал: они благополучно выходили замуж и рожали детей. И конечно, расплзались в талии и бедрах.

Фу-у-у! Этого он не выносил в женщинах. Мужчине, он считал, простительно быть обладателем лишнего веса. В конце концов, он добытчик, воин, самец. Дополнительный сантиметр подкожного жирка не помешает. Расходуя столько жизненных сил и энергии, мужчина должен иметь запас.

Он покрутился голышом перед зеркалом и тут же накинул на себя махровый белоснежный халат.

В свои пятьдесят четыре года он выглядел потрясающе. Мускулист, подтянут, смугл и гладок кожей. Темные волосы не тронуты сединой. Легкая сетка морщин в углах глаз его не портила. И особенно его не портило состояние его банковских счетов. Все это — внешность и достаток — внушало ему уверенность, что он вправе требовать от женщины того, чего захочет.

Все были послушными. Почти все. Непослушных он изгонял сразу. Капризных дурочек ему только не хватало! Укрощать строптивых ему наскучило давно. Хотелось мягкости и покорности. Но...

Но была одна женщина, которую он готов был терпеть всякой. И строптивой, и ноющей, и в слезах, и непричесанной. С ней он давно расстался. Правильнее, она сама от него ушла. Но, несмотря на это, он помнил о ней. И каждую следующую свою даму с ней сравнивал.

— Может, ты ее любишь, Федя? — подозрительно щурился в его сторону его лучший друг и бывший партнер по бизнесу Иван.

Почему бывший партнер? Потому что Федор продал ему свою долю в бизнесе за очень хорошие деньги. И наслаждался теперь и покоем, и тишиной, и искренней дружбой.

— Кого? Таньку? Люблю? — делал он ужасные глаза. — Смеешься! Что вообще такое любовь?

— Скажу банальность, но любовь каждый понимает по-своему. Для кого-то это поэзия. Для кого-то секс. Кому-то боль. У тебя вот — непроходящая досада.

— Ой, да ладно! — посмеивался Федор.

Но в глубине души не мог с ним не согласиться. Таня бросила его почти на заре их отношений. Он еще толком не успел разобраться ни в себе, ни в ней. Не успел обложить ее условиями, как красными флажками, а она возьми и упорхни.

В тот день, он отчетливо это помнил, он так долго и тщательно выбирал ей украшение в подарок, что разболелась голова. Приехал домой, а ее нет. И на столе записка отвратительного содержания.

— То, что она написала это на бумаге, очень хорошо ее характеризует, — пытался часом позже утешить его Иван. — Она не сбросила тебе сообщение на телефон. Она написала это на бумаге!

— Это что-то меняет? — смотрел он на друга злыми больными глазами.

— Это в корне меняет все! Это говорит о том, что она не безмозглая дура. А серьезная женщина, которой было сложно сделать выбор, которая не хотела сделать тебе больно.

— Ты сейчас с какой целью ее расхваливаешь? — со стоном обращался к Ивану Федор. — Чтобы я окончательно понял, какую великолепную женщину потерял?..

Разговору тому было два года. После Татьяны в его доме проживало много женщин. Не одновременно, конечно, по очереди. Но ни одна из них не могла с ней сравниться.

— Хотя бы потому, что никому из них не придет в голову: взять в руки лист бумаги и авторучку.

Это он вчера вечером ворчал на Ивана, взявшегося расхваливать Виолу, проживающую у него уже как с месяц.

Девчонка была очень симпатичной, длинноногой. Обладала пухлыми губами и красивой грудью от природы. Умела вкусно готовить и быть незаметной. И все равно она его раздражала.

— Ну почему? — округлял глаза Иван, рассматривая сквозь стекло девушку, поливающую розы на участке. — Она же чудо как хороша! Работяща и ненавязчива...

— Она — не Таня. Она не может смотреть так, как она, — отмахивался Федор.

— Ну как? Ну вот как смотрит твоя Таня?

— В душу, Ваня. Она всегда смотрела мне прямо в душу...

Иван вчера пробыл недолго. Уехал, сильно его разозлив негативными отзывами о Тане. Из-за него, да-да, Федор вчера накричал на Виолу и не лег с ней вместе спать. Утром проснулся в скверном настроении, потому что вчера не было привычного секса. А обнаружив, что Виола укатила по магазинам, не дождавшись его пробуждения, разозлился еще сильнее.

Он позвонил ей, долго слушал ее нелепые объяснения. А потом отрывисто произнес:

— Можешь не возвращаться.

— Феденька, ну ты чего? Я же просто так уехала, совсем не желала тебе отомстить, — принялась она лопотать, выдавая себя с головой.

Не просто так. И отомстить желала. Вот дура! Ну что за бабы ему попадаются?

— Твои вещи пришлю с водителем. На этом все. Приедешь к дому — спушу собак.

— Но у тебя нет собак, — возразила Виола озадаченно.

— Как раз договариваюсь о покупке, — соврал он.

И, отключив телефон, дико расхохотался. Тут же смех оборвал и недоуменно уставился за окно. Оно выходило на залив, левее его дома. Правильнее, на берег залива — крутой и обрывистый, густо поросший корабельными соснами. Когда случалось ненастье и сильный ветер, сизые волны с ревом набрасывались на крутой берег, подмывая корни. Но что странно, сосны не страдали. Ни одной засохшей он не обнаружил за все это время. А живет он тут уже десять лет.

Сейчас на этом крутом берегу что-то происходило. Группа лиц, как охарактеризовал бы их Ванька, суетилась на узкой полоске суши, отделяющей воду от высокого склона. И все бы ничего, и внимания бы не обратил, если бы не представители правопорядка, которых он угадал по их форменным фуражкам и кителям.

— Ваня, там что-то случилось! — громко зашептал он, тут же позвонив другу.

— Кто-то утонул? — предположил его друг.

— Не знаю. Не пойму. Водолазов не видно. Зато вижу мужиков с лопатами. Что-то нашли. Может, схрон какой? С оружием или наркотиками?

— Может быть. Тебе что за печаль? — поинтересовался Иван.

— Интересно же, ну! Сейчас, погоди, погоди...

Федор распахнул оконные створки, высунулся наружу. И отчетливо рассмотрел, как нечто упаковывают в черный пластиковый мешок.

— Ванюша, там труп! — прошептал он трагично.

— Значит, кто-то утонул, — повторил друг со вздохом.

— Да нет же, не утопленник. Там с лопатами люди.

— Значит, кого-то откопали. — Друг помолчал и добавил с печальным вздохом: — Что гораздо хуже утопленника.

— Почему? — не понял Федор, закрывая окно.

— Если откопали, значит, кого-то когда-то там зарыли. А это уже убийство. А кто сунется на залив, кроме местных? А это значит что?

— Что?

— Что пойдут по домам. Будут вести опрос. И к тебе придут, будь уверен, — пообещал со странным удовлетворением Иван.

— А ко мне зачем?

— Ты же по соседству. Мог что-то видеть или слышать.

— Но я не видел и не слышал! — возмутился Федор.

Он подошел к посудному шкафу в простенке между окнами. Открыл его и потянулся за бокалом. Ему срочно надо было выпить. Конечно, еще только первая половина дня. Не время для тяжелого алкоголя. Но обстоятельства диктуют!

— Если не видел и не слышал, это неплохо. Но ведь ты мог и сам закопать, — вкрадчиво прого-

ворил Иван и вдруг рассмеялся: — Да шучу я. Не пугайся ты так.

— Я не пугаюсь. Я обескуражен. — Федор сделал глубокий глоток коньяка. — Еще и Виолу прогнал так некстати.

— Это действительно некстати, — тут же сделался серьезным друг. — Верни ее. Позвони и верни. Тебе нужно будет алиби. И кому, как не ей, его подтвердить?..

Ему даже звонить не пришлось. Бестолковая девушка сама явилась через пять минут после того, как они с Иваном закончили разговор. Встала у ворот с огромными пакетами и жалобно заняла в домофон.

— Впускаю, но это был первый и последний раз, когда ты исчезала из дома так внезапно, — ворчал он, забирая у нее пакеты.

— Прости, прости, прости, — прыгала она вокруг него на высоких каблуках и в короткой юбке. — Думала, ты проснешься, обнаружишь, что меня нет, и расстроишься.

Вот дура!

— Я обнаружил, что тебя нет, и... — Он поймал ее настороженный взгляд и со вздохом закончил: — И расстроился и рассердился одновременно. Так же нельзя! Я без завтрака. И...

— Милый, все сейчас сделаю. Только потерпи десять минуточек.

Босоножки на высоких каблуках улетели в угол, босые пятки зашлепали по плиткам его пола. И ровно через пять минут запахло чем-то вкусным. Какой-то сдобой.

— Я купила замороженный морковный пирог. Удивительно вкусно и полезно, — кричала Виола из кухни, погромыхая посудой. — Сейчас сделаю соус к нему. Заварю чай, и станем завтракать.

Федор уронил себя в глубокое кресло на крытой веранде, с которой прекрасно просматривалась суета группы лиц на берегу слева от его участка. Несколько человек унесли нечто, упакованное в черный пластиковый пакет. Двое ерзали на коленях возле размытой водой ямы. Один фотографировал. Второй занимался чем-то еще. Трое из оставшихся стояли в стороне и о чем-то оживленно разговаривали. Руки их без конца указывали в разные стороны света, не обойдя и дом Федора.

Точно придут с вопросами, сделал он вывод. И стало противно и гадко на душе.

Вот зачем ему вся эта плешь?! Он поселился здесь — вдалеке, как он думал, от цивилизации. Хотелось покоя, умиротворенности, невмешательства суеты мирской. А теперь какие-то люди придут к нему в дом после того, как вдоволь наобщались с трупом. Станут вонять здесь. Задавать свои зловонные вопросы...

— Там, на берегу, что-то произошло, — начал он разговор за вторым куском морковного пирога, который чудо как был хорош. — Возможно, полиция придет в дом и станет задавать вопросы. Ты лучше помалкивай.

— А я знаю, что там произошло. Они уже говорили со мной, — открыто улыбнулась Виола, подбирая салфеткой каплю соуса с верхней

губы. — Дорогу перекрыли. И говорили с теми, кто въезжал и выезжал в поселок и из него. Меня даже не хотели пускать. Пришлось сказать, что я твоя невеста. Ничего, что я так осмелела?

Взгляд, которым она на него уставилась, не имел ничего общего с глубоким и полным достоинством взглядом Тани. В глазах Виолы жил звериный инстинкт. Выживание. Приспособленчество. Угодничество. Он не мог ошибиться. Он все это видел.

— Что там произошло? — не ответил он на ее вопрос.

— Нашли тело молодой женщины. Ее закопали у берега. Видимо, убита, — беспечно ответила Виола, хватая чайную чашку двумя руками.

Если женщина, то о нем непременно вспомнят, тут Иван прав. Въезд в поселок под камерами и охраной. Его видели с разными прелестницами. Когда много женщин, много риска привлечь к себе внимание.

— О чем они тебя спрашивали? — спросил Федор, закидывая руки за голову.

— Обо всякой ерунде. Где живу, с кем живу, как давно живу? — принялась перечислять Виола, наморщив лобик.

— Что ты отвечала?

— Правду, — коротко ответила она, улыбнувшись. — Адрес дома дала, твое имя, сказала, что мы давно вместе. Точно не помню сколько.

— Умница, — вырвалось у него.

— Сказала, что мы все время вместе. Не расстаемся вообще. — Она выразительно поиграла бровями. — И что наше алиби безупречно.

Он рассмеялся. Тут же вспомнил, что вчера уснул без секса. Выбрался из-за стола и потащил ее в спальню.

ШАВА 3

— Это... Это может быть Маша? Мария Белозерова?

Поляков сидел перед столом подполковника Звягина в районном отделении полиции, в чьем ведомстве оказалось расследование по факту обнаруженного женского тела на берегу залива.

Он сразу поехал сюда, как узнал подробности. Не из газет, нет. Из своих источников. И сразу поехал к Звягину. Именно Звягин занимался поисками Маши три с половиной года назад. Именно с ним вместе Поляков не ел и не спал трое суток подряд. И Звягин вполне по-человечески реагировал, когда Тимофей злился на медлительность и бюрократизм системы.

— Не могу сказать тебе, майор, точно. Все после экспертизы. Но тело какое-то время пролежало в земле. Тут сомнений никаких. По предварительным заключениям... — Звягин сделал паузу, принявшись поглаживать себя по обширной лысине, коротко глянул на Тимофея. — Да, это может быть она. Примерный возраст, цвет волос, одежда... Предварительно да. Но, сам помнишь, сколько раз мы тогда ошибались. Пришлось даже ее брату анализ сдать, чтобы исключить ошибки.

Он помнил. Первые полгода были самыми страшными. Они с Иваном наперегонки ездили на опознания каждого женского трупа. Выдыхали. Снова искали. И снова ездили.

— Но предварительно, товарищ подполковник, предварительно, что говорят эксперты?

Тимофей с силой сжал в ладони маленький резиновый шарик. Он помогал ему справляться в те страшные дни три с половиной года назад. Психолог посоветовал, чтобы он зубы не разрушил, с такой силой он их тогда стискивал, чтобы не выть без конца.

Два года, что жил с Таней, он не доставал эту детскую игрушку с полки. Теперь снова понадобилась.

— Предварительно? — Широкая ладонь Звягина снова легла на лысину. — Предварительно: труп точно принадлежит женщине. Достаточно молодой. Волосы... Волосы светлые. Одежда в не очень хорошем состоянии, что указывает на то, что труп достаточно долго пролежал в земле. Остатков кожи на скелете почти нет. Что указывает...

— Понял, — упавшим голосом оборвал его речь Тимофей. — Значит, все-таки Маша.

— Не факт, майор. Мало женщин тогда пропало? Забыл?

Звягин выразительно на него глянул, намекая на серийного убийцу, которого они — с ног сбились — искали всей областью. Тот вздумал женщин убивать: молодых, красивых, стройных. Что ни неделя — то новая жертва.

— Он не прятал их, товарищ подполковник. Вы же помните, — как будто даже с упреком проговорил Поляков. — Он намеренно оставлял их на видном месте. За остановкой. За рестораном. В тупике автомобильной стоянки.

— И ни разу не был замечен. — Звягин задумался. И с досадой закончил: — И так и не был пойман. Но что характерно, майор, с исчезновением Марии Белозеровой убийства прекратились.

— Прекратились, — не стал он спорить, кивнул. — Но он мог просто переехать куда-нибудь. Или помереть.

— Второе — возможно. Первое — почти исключается. Тебе было недосуг тогда. А мы все силы бросили. И по всем отделениям страны прошла ориентировка. Ничего похожего в регионах за минувшие годы не случилось. Тьфу-тьфу-тьфу, — суеверно поплевал он через левое плечо. — Мог, конечно, и помереть. Или прибил кто-нибудь. И зарыл.

— Кто?

— Кто выследил. Забыл, сколько родственников было безутешных? Мог кто-то напасть на его след и совершить самосуд.

— Да, мог. Но теперь...

— Да, теперь об этом никто нам не скажет. Кто же признается? — широко развел он руками над столом. — Кому захочется срок отбывать за такого урода?

— Никому. — Поляков встал со стула, протянул подполковнику руку. — Товарищ подполковник, если что-то...

— Станет известно, сразу сообщу. Образец ДНК родного брата у нас в базе имеется. Так что быстро идентифицируем. Идем. Я тебя провожу.

Он полез из-за стола, грузной походкой дошел рядом с Тимофеем до двери. Снова пожал ему руку и, чуть задержав его ладонь в своей, спросил:

— Вот скажи честно, майор, если окажется, что это она — твоя невеста, ты... Ты окажешься к этому готов? Примешь это?

Поляков молчал.

— Я хотел не то спросить, — быстро поправился Звягин. — Я хотел спросить: тебе станет легче? Все же определенность какая-то и..

— Мне не станет легче, товарищ подполковник, — неожиданно признался Тимофей. — Так я ждал и надеялся. Я не оплакивал ее. Я думал, что она жива. И просто меня бросила. Мы ведь поссорились за пару часов до ее исчезновения.

— Да? — удивленно вскинул брови подполковник. — А ты не говорил.

— Не до этого было, — криво усмехнулся Поляков, почувствовав, как сводит левую половину лица. — Я пытался ее найти. Хотел извиниться. Хотел простить.

— А за что? — Звягин настойчиво не выпускал ладонь Тимофея из своей руки. — А было за что прощать?

— Уже и не вспомню, если честно, — помотал головой Тимофей и руку высвободил. — Но все это — дела минувших дней. Что это теперь изменит?..

После его ухода Звягин минуты три стоял у двери, не двигаясь. Потом, хмыкнув, поспешил к телефону.

— Ты вот что, достань мне дело Белозеровой, — приказал он одному из своих подчиненных. — И принеси мне в кабинет.

— Когда, товарищ подполковник? Я на опрос жильцов поселка собрался. И...

— Вчера, ёлки! — разозлился Звягин. — Поговори мне еще! Занятый он, ёлки! Дело мне на стол, и можешь ехать в поселок. Опрашивать жильцов. Список составил?

— Так точно, — кисло отозвался подчиненный.

Звягин хмыкнул. Парень был толковым. Расторопным, сообразительным. Но ныть любил, этого не отнять.

— Кто-то интересный есть, кого можно так вот с ходу начать подозревать? Ну, Сережа, не молчи — прикрикнул на старшего лейтенанта Хромова Звягин.

— Я прошелся по списку, товарищ подполковник, — начал заунывно старший лейтенант Хромов. — И из всех проживающих в поселке на заливе выделил двоих.

— Ну! И кто, кто? Мне что, сплести прикажешь, чтобы ты начал докладывать по форме? — Он звонко шлепнул по столу ладонью.

— Первый кандидат: Федор Степанович Нагорнов. Пятидесяти четырех лет от роду. Без определенного рода занятий. Нет, раньше у него был весьма солидный бизнес. Но потом он все продал своему партнеру по бизнесу. И живет теперь на дивиденды.

— И хорошо живет?

— Солидно! — фыркнул Хромов. — С партнером сохранил дружеские отношения. Тот его регулярно навещает.

— И что тебе в нем не понравилось?

— А то, что его дом — это просто какой-то замок Синей Бороды, — возмутился старший лейтенант. — Женщин он меняет как перчатки. Месяц живет с одной, потом полтора месяца с другой. Два — с третьей.

— Ого! Прямо вот с такой периодичностью?

— Практически. Но эта информация еще требует уточнения. Сведения пока голословные. Просто я, прежде чем обойти их всех, наводил справки.

Звягин довольно заулыбался. Толковый парень. Молодец. Но от похвалы воздержался.

— И ты считаешь, что с одной из своих дам он мог поссориться? В пылу ссоры убить ее и зарыть на берегу неподалеку от своего дома? — Звягин прищелкнул языком. — Как-то сомнительно, Сережа. Ладно... Кто второй?

— А второй — наш безутешный майор Поляков. Он живет там же — на берегу. У него там дом. Раньше жил там набегами. Но после исчезновения его невесты поселился в доме на постоянной основе. Квартира в городе стоит под замком. Это я точно знаю.

— Оп-па...

Звягин почувствовал неприятное беспокойство. Оно всегда навещало его в моменты, когда он подозревал себя в халатности, когда думал, что что-то упустил.

— И это еще не все, товарищ подполковник, — голос Хромова окреп. — Женщина, с которой сейчас живет Поляков, когда-то принадлежала Нагорнову.

— В смы-ысле? — протянул Звягин. — Что значит принадлежала? Она что, вещь какая-то? Машина? Лодка?

— Виноват, товарищ подполковник, — снова скис старший лейтенант. — Я хотел сказать, что сначала с ней жил Нагорнов. А теперь с ней живет Поляков.

— По-соседски?

— Уж не знаю, как они там между собой договаривались и делили ее.

— Так узнай! А еще узнай, не принадлежала ли прежде этому самому Нагорнову Мария Белозерова? Может, там тоже эстафета какая-то наблюдается?

Неприятное беспокойство сделалось гуще, объемнее. Оно поднималось в душе Звягина, как опара на пироги, затевать которые была его супруга мастерицей.

Как он мог просмотреть? Это же так очевидно! Это просто шито белыми нитками!

Двое не поделили девушку. Один из них с ней сильно поспорил. И она внезапно исчезает. Ну не странно ли! Слишком, слишком они тогда были зациклены на серийном убийце. И Белозерову априори причислили к его жертвам. А тут вдруг она находится — и где? Неподалеку от мест проживания как одного, так и второго воздыхателя.

Ну, не странно ли!

И Поляков тогда промолчал, ничего не рассказал о ссоре с Машей. А Звягин лично его допрашивал. И...

— Товарищ подполковник, — вывел его из душевного дискомфорта голос старшего лейтенанта Хромова, — а мы разве не проверяли алиби Полякова? Думается, проверяли. И его алиби, и ее родственников. И друзей. И возможных знакомых. Я сам тогда метался в поисках ее связей. Их, к слову, было немало.

— Значит, плохо проверил, Сережа, — досадливо поморщился Звягин.

— Никак нет, товарищ подполковник. Проверил отлично. Но...

— Что — но?

— Но вот гражданина Нагорнова тогда в моем списке не было.

— Ты мне дело принеси, старлей. Я сам посмотрю, как ты там отлично всех проверил...

Брат Марии Белозеровой в вечер ее бесследного исчезновения был дома. Один! Разве это алиби?

Звягин раздраженно листал страницы дела, вчитываясь между строк, под другим умозрительным углом.

Да, соседи утверждали, что в его доме горел свет и громко звучала музыка. Хлопала входная дверь. И кто-то даже видел, как Иван Белозеров выходил на улицу в трико с мусорным пакетом в руках. Учитывая погодные условия того вечера, а была метель, мороз и сильный ветер, сочли, что дальше мусорных контейнеров он уйти никуда не мог.

Дурь же, ну! Полная дурь!

Он мог запросто сесть в машину и уехать куда глаза глядят. А в доме и свет и музыку оставить.

Звягин осторожно выписал на листе бумаги фамилию Белозеров и рядом пометил: алиби сомнительное.

Поляков...

Поляков был на дежурстве в ночь. Ждали высокое руководство. И было приказано все дела привести в надлежащий порядок. И он будто бы все время был в кабинете. Завершал недописанные отчеты. Подшивал показания. В общем, наводил порядок в бумагах. Дежурный подтвердил, что Поляков выходил из здания всего лишь один раз около девяти вечера. Ездил ужинать, как он доложил дежурному. Вернулся через полтора часа. В руках пакет с пирожками. Сказал, что купил в кафе, где ужинал. Угостил пирожками дежурного.

Кто-то это проверил? Был ли он на самом деле на ужине в кафе? Или просто купил пирожков по дороге, потому что ужин пропустил и остался голодным?

Звягин выписал под Белозеровым фамилию Полякова и сделал пометку рядом: где был полтора часа?

Он читал и читал материалы дела. Пытался найти лиц, заинтересованных в исчезновении Марии. Но никого больше не нашел, как ни старался. Тайных связей у нее не было. С подругами любовников не делила. Долгов не делала. К двадцати пяти годам, а ей именно столько ис-

полнилось на момент исчезновения, Мария жила себе тихо, безбедно, никого не кусала и никому не мстила.

Подумав, Звягин выписал и ее фамилию. И сделал пометку: на что жила? После окончания педагогического вуза по специальности ни дня не трудилась. Да и вообще нигде не работала. Из материалов дела следовало, что ее содержал сначала брат, потом Поляков.

А вот в деле...

Звягин послюнявил палец и перелистал на несколько страниц назад. Уставился в заявление, сделанное ее братом.

Иван Николаевич Белозеров в строке особых примет указал, что на сестре были дорогие кожаные сапоги, кожаная сумка ого-ого какой стоимости и норковая шуба до колен. А сколько стоит эта шуба, Звягин знал. Приценивался, решив жене сделать подарок к годовщине их свадьбы. Приценился и счел, что лучше длинного пуховика ничего и быть не может. Тепло, практично, доступно.

— И на что, скажите, Мария Николаевна, вы жили? — прошептал Звягин раздраженно. — Одного наряду на полмиллиона рублей. Разве зарплата Полякова так высока была? И на такси поехала. За город! И вышла в километре от поселка. Зачем? Разве таксист не мог довезти ее прямо до дома?

Он задумался. Перевернул лист со столбцом фамилий. И написал важный, как он счел, вопрос: почему не доехала на такси до места?

А что, если на той остановке, где ее высадила таксист, ее кто-то ждал? Да, таксист не видел никого. Но это не значило, что там никого не было!

Эта чертова остановка сбила тогда их с толку. Они сразу зацепились за серийного убийцу, который двух своих жертв оставил за остановками на окраинах города. Они вцепились в эту версию, как голодные собаки в кость. И ничего уже больше не видели вокруг себя. Ни единого подозреваемого! А их — вон сколько! Целый столбик из фамилий.

Звягин подпер оплывший подбородок кулаком. Задумался.

Тело Марии Белозеровой не было найдено. После безуспешных попыток отыскать ее начали звучать робкие голоса, что она могла просто сбежать от тирана брата и назойливого любовника. Голоса становились все громче, хор дружнее. И дело спустили на тормозах.

А теперь что?

Звягин перевернул последнюю страницу. Закрыв папку. И впился пальцами в матерчатые тесемки, пытаясь завязать их аккуратным бантиком.

А теперь, если окажется, что найденный женский труп — это и есть сбежавшая Белозерова, то...

То начинай все сначала! А время упущено. И даже серийный убийца, орудовавший в области три года назад, куда-то подевался. Как теперь быть? С чего начинать?

ШАВА 4

Он очень старался казаться ленивым и расслабленным. И позу для этого выбрал заранее: сидя в кресле, широко развести колени, пятками упираясь в пол. Руки свесить с подлокотников. Глаза полуприкрыть.

Именно таким его застал старший лейтенант, совершавший подомовой обход после случая с обнаруженным трупом. Федор знал, что он к нему рано или поздно явится. Наверняка сначала обошел всех соседей. Наслушался сплетен. Теперь явился к нему. С вопросами. С намеками. С плохо завуалированными подозрениями.

— Федечка, к тебе пришли, — пропела нежным голоском Виола и тронула его макушку. — Какой-то молодой человек из полиции...

Федечка уже знал, кто именно к нему придет. И навел о парне справки. Охарактеризовали его как умного, расторопного, принципиального и немного настырного.

Это описание Федору не очень понравилось. Лучше бы парень оказался с ленцой и алчностью. Тогда бы он с порога намекнул старшему лейтенанту, что готов заплатить за собственное спокойствие. И за то, чтобы больше никогда не видеть в своем доме его физиономию.

Денег старлей не брал. Никогда!

— Не вздумай, — предупредил его друг Ваня. — Иначе загремишь за дачу взятки должностному лицу.

— Но он же станет ходить ко мне, Ваня! — возмущенно округлял глаза Федор. — Без конца

станет ходить. А у меня Виола. А у парня разряд по каким-то там единоборствам.

— Виола твоя его даже не заметит рядом с тобой, — утешил друг. — Он для нее никто. А ты — величина!.. А чтобы не ходил к тебе часто, правильно ответь на его вопросы.

— Правильно — это как? — фыркнул Федор.

— Почти правду.

Почти правда вряд ли устроит старшего лейтенанта Хромова. Ему наверняка надо знать все и обо всем. А болтать лишнего Федор не мог. В его отношениях с женщинами были кое-какие секретики. И плеточки пробовали, и наручники, и жесткие ошейники. Все оставались живы, конечно. Но полиции только дай повод думать иначе.

— Проводи его сюда, — не открывая глаз, проговорил Федор негромко, словно в полусне.

— Он уже здесь, — раздался незнакомый мужской голос за его спиной.

Хромов вошел следом за Виолой, догадаться было несложно. Не вздумав вздрогнуть или изобразить испуг, Федор с хрустом потянулся. Сел ровно в кресле. И с полуулыбкой глянул на ступившего на застекленную террасу парня. На его территорию, между прочим, ступившего.

Это место было его любимым. Стекла во все стороны: огромные, толстые, без переплета. Теплый пол. Искусно выполненная подсветка. В любое время года здесь было светло и тепло, а когда надо — прохладно. И стекла никогда не звенели под порывами ледяного ветра с залива. Сидя босым и почти голым в кресле, он обожал наблюдать за неистовыми метаниями снежных

бурь и серым дождем. Жаркое солнце летнего дня беспомощно лизало лучами его террасу, кондиционер прекрасно с ними справлялся. Федору даже не приходилось опускать жалюзи.

Он не любил сюда пускать даже своих женщин. Таня не в счет. И вот вдруг какой-то старший лейтенант осмелился ступить на его территорию. И более того, без спросу распорядиться его мебелью!

Федор неодобрительно наблюдал за тем, как Хромов хватается за подлокотники кресла из угла и ставит его прямо перед ним — в зоне обзора.

— Надо поговорить, Федор Степанович, — проникновенно глянул старший лейтенант на Федора.

— Слушаю вас...

Парень был хорош собой и крепок. Голубоглазый, с играющими под светлой кожей крепкими мышцами. Тонкая футболка в обтяжку, сверху рубашка в клетку с короткими рукавами. Простенькие джинсы, кроссовки, ступающие по его теплому полу, как по рингу.

Вряд ли ему требуются те самые голубенькие таблеточки, к помощи которых Федор редко, но прибегал. Здоровьем Хромов был не обижен.

— Вы в курсе, что неподалеку от вашего дома был обнаружен женский труп?

— Видел какую-то суету на берегу.

— На самом деле не на берегу, а под одной из сосен. — Старший лейтенант запнулся, коротко подумал и произнес, как с листа зачитал: — Тело женщины со следами насильственной смерти

было обнаружено в яме, вырытой у подножия сосны.

— Ее убили?! — округлил Федор глаза. — Она не сама умерла?

— Как бы, интересно, она, умерев без посторонней помощи, смогла себя сама зарыть? — В голубых глазах парня ядовито сверкнуло.

— Ну да, ну да... — печально вздохнул Федор и запоздало добавил: — Бедняжка.

— Да... — коротко кивнул старший лейтенант, не сводя с него пристального взгляда. — Вы ничего не можете мне сообщить по данному факту?

— Я?!

Он, честно, перепугался. И глянул на полицейского, как на демона.

— С какой стати мне вам что-то сообщать по данному факту? При чем тут я?!

— Я тут подумал, раз вы заметили нашу суету с коллегами, могли заметить и суету преступников?

— А что, их было несколько? — неожиданно подала голос Виола.

Оказывается, безмозглая девица никуда не ушла, а терпеливо стояла за его спиной и внимательно слушала.

— Следствие пока не обладает достаточной информацией, — отделался голубоглазый полицейский казенной фразой.

— А как она умерла? Ну... Эта женщина? — решила окончательно вымотать ему нервы Виола, задавая свои тупые вопросы.

— Предположительно от сильного удара по голове. Ей проломили череп, — ответил старший лейтенант.

— Какой ужас! — Голос Виолы дрогнул. — На нее напали? Ограбили? Но она бы тогда кричала. А мы ничего такого не слышали. И...

— Виола! — резко оборвал он ее рассуждения. — Ты не даешь старшему лейтенанту вставить слово.

— Простите...

За его спиной снова стало тихо. Федор вопросительно уставился на парня. Он очень старался выразить взглядом то, что только что озвучила Виола. Видишь, мол, мы ничего не слышали. И суеты никакой не наблюдали.

— А как давно вы вместе? — вдруг сощурил свои невозможно голубые глаза Хромов.

— А вам-то что? — вдруг достаточно грубо фыркнула Виола в ответ. — Это наша частная жизнь и...

— Простите, я неправильно сформулировал вопрос, — последовала обворожительная улыбка. — Как давно конкретно вы, девушка, живете в этом доме?

— Несколько месяцев, — без запинки соврала дуреха.

— А до этого где проживали?

— А до этого я проживала в Москве.

— У-у-у... — с наигранной печалью протянул старший лейтенант, глядя на Виолу поверх головы Федора. — Тогда вы точно не можете ничего знать о жертве убийства.

— Почему?

Глупышка на неподражаемо длинных ногах вышла на середину застекленной террасы. Вста-

вила кулачки в бока, с вызовом потрянула головой и повторила:

— Это почему еще?

— Потому что тело женщины закопали у подножия сосны несколько лет назад, — продолжил ласкать ее улыбающимися глазами старший лейтенант.

— Как несколько лет назад? — растерялась Виола. — Когда?

— Точнее — только после тщательнейшей экспертизы, но предварительно: более трех лет назад.

— Упс-с...

Виола уронила руки вдоль тела, попятилась и уселась на левый подлокотник его кресла. Федор тут же собственнически уложил ей ладонь на колено.

— Вот видите, — беспечно махнул он свободной рукой. — Как же мы можем видеть, помнить, знать о том, что произошло более трех лет назад? Меня вообще в то время могло не быть в стране. Я много и подолгу путешествовал.

— Судя по остаткам одежды, это была зима, — уточнил Хромов.

Его локти лежали на коленях. Кулаки без конца сжимались и разжимались. Еще он то и дело поводил шеей. И там что-то неприятно щелкало. Федор счел эти телодвижения странными.

— И что, что зима? — неожиданно развесялился он, нежно поглаживая женскую ко-

ленку. — В мире много мест, где зимой тепло и даже жарко.

— А с кем вы тогда жили, Федор Степанович? — прервал его веселье вопросом Хромов. — Ваши соседи припомнили, что года три или чуть больше назад у вас в доме поселилась какая-то женщина, которая прожила здесь достаточно долгое время. В сравнении с другими вашими симпатиями та женщина задержалась на непозволительно долгое время. А потом куда-то исчезла. Это не она... Это не ее тело было найдено на берегу, по соседству с вашим домом?

Глупый...

Глупый мальчишка! Федор мог бы рассмеяться ему в лицо, если бы ему не было так досадно. Из-за того, что придется теперь полоскать имя той, мысли о которой до сих пор не давали ему покоя. Из-за того, что Виола заметно напряглась. И даже сползла с подлокотника кресла и снова исчезла где-то за его спиной.

— Это не ее тело, поверьте, — криво ухмыльнулся Федор наглому полицейскому в лицо. — Ее тело по-прежнему живо и здорово. И все так же прекрасно.

Виола за его спиной с шумом втянула в себя воздух.

— Я могу услышать ее имя и фамилию? — Старший лейтенант Хромов полез за телефоном, чтобы оставить запись в разделе заметок. — Только не говорите мне, что не хотели бы тревожить уважаемую даму... Что вы человек чести... Что у нее теперь другая жизнь... Все это понимаю, но обстоятельства требуют уточнений и... Как ее

имя, Федор Степанович? Мы же не желаем ехать в отделение полиции и отвечать на вопросы под протокол? Нет? Я правильно вас понял? Имя...

В памяти всплыло смуглое лицо гордой красавицы, оставившей его так вероломно. Он не мог назвать ее имя. Она станет сердиться. Он не мог смолчать. Станет сердиться старший лейтенант. И если в первом случае ему ничего не грозит... То во втором...

— Татьяна, — буркнул он недовольно. — Игумнова Татьяна Сергеевна.

— Понятно, — быстро записал старший лейтенант в телефон.

Кажется, ответ его ничуть не удивил. И, сам не понимая, что за чувство им далее двигало, Федор произнес:

— Кстати, она недалеко переехала. Поселилась по соседству.

— Да? — Белесые брови старшего лейтенанта выгнулись дугой. — И даже знаете адрес? И можете его мне сообщить?

— Разумеется.

Оттолкнувшись ладонями от подлокотников кресла, Федор резко встал. Подошел к одному из огромных витражей. И постучал по нему согнутым пальцем в сторону острроверхой зеленой крыши.

— Вон тот дом, где теперь живет моя Татьяна. В доме Тимофея Полякова. Кажется... — Он обернулся на Хромова и удивленно отметил, что парень ничуть не обескуражен. — Кажется, это ваш коллега?

ШАВА 5

— Вы?

Всклокоченный Поляков стоял на пороге собственного дома в шортах до колен, старой застиранной майке, с раздувшейся левой щекой. По всей видимости, Звягин застал его за завтраком. Хотя в доме Звягина в это время уже начинается готовиться обед. Времени было одиннадцать утра.

— Здравствуй, Тимофей. — Звягин протянул потную ладонь, забыв вытереть ее о штаны.

Поляков молча пожал руку, посторонился, пропуская подполковника в дом. Тот нырнул в прохладный коридор, скинул обувь, заметив, что ботинки и женские туфли стоят на коврик у двери.

В его доме тоже не приветствовали хождение в уличной обуви по дому. Что за блажь, скажите! Тут же пыль с улицы, тут же внук с игрушками на пол сядет. Непорядок.

Звягин встал перед узким зеркалом шкафа. Пригладил растрепавшиеся волосы, обрамляющие обширную лысину. И сразу почувствовал за спиной еще чье-то присутствие. Он резко обернулся и еле удержался, чтобы восхищенно не цокнуть языком.

На пороге светлой комнаты, по всей видимости — кухни, стояла молодая красивая женщина. Смуглая, черноглазая, черноволосая. С тонкой талией и высокой грудью, едва прикрытой каким-то домашним костюмом нежного серого цвета.

— Доброе утро, — слегка улыбнулась она, протягивая руку Звягину. — Татьяна.

— Доброе утро. Иван Сергеевич.

Он смущенно тронул ее прохладные пальцы, слегка сжал. Ну не целовать же ему ей руку! Он при исполнении... почти.

— Идемте с нами завтракать, Иван Сергеевич. — Она улыбнулась шире, став еще краше.

Честно? Он подобных красавиц видел только в кино. Только там их глаза так искрились, а кожа светилась здоровьем и чистотой. Только на экране красавица, встав утром и приготовив завтрак, оставалась чистенькой, без масляных пятен на одежде и растрепавшихся волос.

Полякову определенно везло с женщинами. Пропавшая невеста тоже была красавицей, судя по фотографиям. Только исчезнувшая бесследно Мария Белозерова была блондинкой.

Звягин вошел в кухню, огляделся.

Просторная комната в светлых тонах. Шкафы белоснежные. Он вспомнил, как спорил с женой, намереваясь купить такие же. Она уверяла, что через полгода они превратятся невесть во что. Их непременно заляпают, испачкают, поверхность пожелтеет. Ну, и еще был перечислен ряд причин, по которым она предпочла фисташковые фасады.

А белые-то лучше. И чистые, не заляпанные. И Звягин сильно сомневался, что красавица Татьяна их трет тряпкой с утра до вечера. И шторы тоже белоснежные, по виду напоминающие жатый лен. И посуда на столе — тоже белая.

Правда, стояла она на темной скатерти. Но смотрелось красиво.

Его жене предлагать подобные изменения в интерьере бесполезно, подумал он с легким раздражением.

— Присаживайтесь, — отодвинула стул от стола Татьяна, уже успев поставить ему тарелку с чашкой и разложить приборы. — Позавтракайте с нами.

Он не был голоден. Завтракал всегда плотно. Выработалась привычка годами. Мало ли, как день сложится. Мог и обед, и ужин пропустить, потому с утра и наедался. Сегодня тоже. Но неожиданно захотелось посидеть за их столом. Он принял приглашение, сел на предложенный стул.

— Омлет или блинчики? — лучезарно улыбалась ему красивая женщина. — Есть еще овсянка.

— Блинчики, — подумав, выбрал Звягин.

— С джемом, сметаной или сгущенным молоком?

Как в рекламе, честное слово! Чего только не было в изящных белоснежных соусниках. Звягин выбрал сгущенку. Любил с детства. Выложив ему на тарелку три свернутых трубочками блинчика, Татьяна пододвинула к нему поближе соусник со сгущенным молоком. Звягин взялся за вилку с ножом. Дома-то он бы эту блинную трубочку руками схватил. В гостях нельзя.

Он отрезал крохотные кусочки блинчика, макал в густую кляксу сгущенного молока на краю тарелки. Клал в рот и медленно жевал. На втором блине он вдруг понял, что хозяйева смотрят

на него пристально и вопросительно, и едва не перхнулся.

— Вы, думаю, слышали, что произошло по соседству с вашим домом?

Вопрос он обращал к Татьяне. Поляков, разумеется, знал.

— Да, — коротко кивнула она, глубоко и печально вздохнула. — Это ужасно!

— Мы опрашиваем всех, кто живет на берегу. Теперь вот... — Он обвел руками стол, сам не понимая, зачем это делает, и проговорил виновато: — Теперь вот и до вас очередь дошла.

— Вы пришли нас допрашивать? — с легким смешком поинтересовалась Татьяна.

И Звягин неожиданно заметил в ее прекрасных черных глазах странный отсвет. Скорее тень. Досады? Злости? Раздражения? Он не смог бы охарактеризовать. Но что ей неожиданно стал неприятен его визит, это было очевидно. Кашлянув, она поднялась и принялась убирать со стола. Вот так вот прямо: невзирая на то, что гость еще сидит за столом с перепачканными сгущенкой губами.

Звягину сделалось страшно неловко. И вдруг подумалось, что блинчики у его жены вкуснее. Не такие жесткие и содой не отдают. А сгущенка вообще для его пожилого организма вредна.

— Спасибо, — решительно отодвинул он от себя тарелку с недоеденным угощением, вытер рот салфеткой. — Все было очень вкусно.

Поляков хранил странное молчание. Тянул свой кофе из маленькой чашки, казавшейся в его руках наперстком, и молча за ними наблюдал. Но вдруг встрепенулся и предложил ему кофе.

Звягин отказался, запросив стакан воды. Хватит уже угощаться.

— Ты, майор, извини, что я так вот — в выходной к тебе заявился. Но сам пойми, протокол есть протокол.

— Ничего, все нормально, — коротко улыбнулся Поляков, подавая ему воду в тонком высоком стакане. — Я ценю, что вы сами пришли. С остальными, насколько мне известно, ваш подчиненный разговаривал.

— Да, Сережа Хромов совершал подомовой обход.

— Может, пройдем на веранду? Там поговорим? — Поляков махнул рукой в сторону левой от Звягина стены.

Можно было и уйти, и поговорить наедине. Но ему неожиданно захотелось говорить здесь — в присутствии стройной красавицы, оказавшейся не вполне вежливой. И понаблюдать за ее непроницаемо черными глазами в надежде рассмотреть в них что-то еще. Она упорно стояла к ним спиной, занимаясь мытьем посуды. Странное занятие, если учесть, что в кухне имелась посудомоечная машина.

— Татьяна, простите меня великодушно. У меня к вам несколько вопросов, если позволите, — невероятно затягивая гласные, проговорил Звягин.

Он прекрасно был осведомлен, насколько противным бывал его голос, когда он так вот тянул гласные. Использовал такой прием в крайне редких случаях. И он пригождался. Он точно вы-

водил людей из себя, и те в пылу гнева выдавали себя.

Татьяна не стала исключением.

— А если не позволю? — швырнув кухонное полотенце на рабочий стол, она резко повернулась. — Вы сказали: если позволите. А если не позволю?

— Тогда нам придется проехать с вами в отделение и поговорить уже там, но... — Звягин сделал несчастные глаза в сторону Полякова. — Но зачем же так, Тимофей? Думал, мы в частном порядке сможем...

— Сможем, конечно, товарищ подполковник.

Он подошел к молодой женщине. Достаточно грубо взял ее за локоть и подвел к столу. Усадил почти силой.

— Хватит, Таня, — прикрикнул он попутно. — К нам сам подполковник пожаловал. Это тебе не старший лейтенант! Хотя я...

Он выразительно посмотрел Звягину в переносицу.

— Хотя я мог бы и в отделении ответить на все вопросы. Обстановка-то мне привычна.

— Не захотел в выходной день тебя дергать, майор. И не прийти не мог. Сам знаешь систему: руководство требует отчета по первым шагам расследования.

— Знаю. Понимаю.

Поляков уложил обе ладони на спинку стула, с силой стиснул. На взгляд Звягина, чрезвычайно сильно впился он пальцами в отполированную белую деревяшку спинки стула. Неужели нервничает?

— Итак, товарищ подполковник, мы вас слушаем, — высокомерно приподняла брови Татьяна, сев к Звягину вполоборота. — Что привело вас в ваш личный выходной в дом вашего коллеги? Что так не терпело до понедельника?

— Вы ведь жили какое-то время в доме Федора Нагорнова? — пропустил он мимо ушей ее вопрос, занявшись своими. — Прямо тут, на берегу, неподалеку.

Поляков недоуменно вытаращился на свою женщину.

Неужели не знал? Странная нынче молодежь пошла. Селят у себя не пойми кого. Даже биографией не удосужатся поинтересоваться.

— Да. Жила в доме Нагорнова. И что? — Ее подбородок с вызовом уставился на Звягина.

— Что за отношения вас связывали? Только не говорите мне, что это личное, — недовольно поморщился Звягин, заранее предостерегая. — Когда в деле фигурирует мертвое женское тело, нам с вами не до помеченных территорий.

— У нас были отношения, — с краткой ухмылкой ответила Татьяна. — Такие, знаете, которые связывают мужчину и женщину: быт, постель.

— Вы ведь работаете на его фирме финансовым директором, правильно? Я ничего не путаю?

Глаза Полякова сделались еще круглее. Ну майор! Ну дает! И этого, выходит, не знал?

— К тому моменту, как у нас завязались отношения, он продал свой бизнес своему другу и партнеру, — после непродолжительной паузы